

Четверть века проработал я с Николаем Федоровичем Погодиным в качестве его литературного секретаря. На моих глазах этот большой писатель, художник-гражданин создавал свои пьесы и сценарии, посвященные великому Ленину.

Тема вождя стала пожизненной для драматурга. Являясь секретарем комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию Н. Ф. Погодина и разбирая архив покойного писателя, я обнаружил письмо Николая Федоровича на имя начальника Управления по производству фильмов от 13 июня 1962 года, в котором говорится:

«Я обещал Вам написать ленинский сценарий, и я его напишу — без договора, но начну работать (писать рукой) лишь в ноябре. Я его принесу Вам».

Это значит, что образ Ленина еще раз раскрывался для Погодина с новой неожиданной стороны, он жил в мыслях и сердце писателя, но «написать рукой» этот сценарий Погодину, к сожалению, было не суждено.

Алексей ВОЛГАРЬ

ИДЕЯ создания юбилейной пьесы, посвященной 20-й годовщине Октября, исходила от М. Горького, который весной 1935 года собрал по этому поводу совещание виднейших драматургов. Присутствовал там и Погодин, который загорелся этой идеей. Он начинает читать все, написанное об Октябре. И чем глубже постигал он дух Октября, тем величественней вырисовывался перед ним гений вождя революции. Погодина неудержимо потянуло написать пьесу о Ленине.

«Я прочел горы материалов, — вспоминал Николай Федорович. — Читал книги о Ленине, все, что еще находилось в рукописях. Архивы Института марксизма-ленинизма, диссертации, письма, газетные статьи... Затем я стал читать подряд все тома ленинских сочинений, вчитывался в наиболее яркие и характерные ленинские образы... Я хотел за его строчками найти драматический дух фигуры, найти Ленина, почувствовать Ленина».

При тщательном изучении ленинских трудов драматург нашел зерно сценического образа великого человека, которое дало ему возможность постигнуть драматический дух планетарной фигуры вождя и проникнуть в его неповторимую сущность.

«Я сразу понял, — говорил Погодин, — что написать пьесу о Ленине, обо всей его жизни мне не под силу. И я решил выбрать один маленький эпизод из жизни Ленина, один миг, чтобы в рамках этого эпизода дать портрет Ильича, может быть, только эскиз образа».

Изучая произведения вождя, Погодин пришел также и к другому выводу: «Где же учиться ленинскому языку, как не у самого Ленина? А его портреты на полях книг, его тетради!»

Но драматург считал, что «есть исторические факты, о которых нельзя сказать иначе, чем об этом сказал сам Ленин». Поэтому он никогда не монтировал диалог из цитат, но в монолог вводил цитаты, и они органично входили в художественную ткань произведения.

Погодин говорил, что даже идею всей пьесы дал сам Ленин — в своей речи о человеке с ружьем, произнесенной в День Красного офицера, где гениально обобщил высказывания представителей народа о том, что «теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров».

В своем творчестве драматург почти всегда идет от образа к действию.

А когда «хорошо разработан образ, когда он живет подлинной жизнью, то в ситуациях и действиях этот образ начинает сам помогать автору, вести автора», — утверждал драматург.

Образ Шадрина стал для Погодина «неисчерпаем, как неисчерпаема сама жизнь», драматург мог его «представить в любом положении».

Имея образы Ленина и Шадрина, Погодин как бы в потенции имел всю пьесу.

ВЕСНОЙ 1936 года в Наркомпросе состоялось совещание, на котором уже официально от имени правительства было предложено ведущим драматургам К. Треневу, А. Корнейчуку, А. Афиногенову, А. Толстому и М. Чкаурели включиться в конкурс по созданию к 20-й годовщине Октября драматургических и кинопро-

Н. Ф. Погодин и Б. В. Щукин в гриме Ленина. 1937 г.

Снимок публикуется впервые

ПОГОДИН и ЛЕНИНА

изведений об Октябрьской революции с показом В. И. Ленина. Это мероприятие имело своей скрытой целью ограничение широты темы рамками конкурсных требований при персональном отборе участников.

Погодин в таких примерно выраженных рассказывал мне об этом: конечно, обидно, что не пригласили к участию в конкурсе, а с другой стороны, это даже хорошо. Ведь не только те, кто ему не советовал браться за эту тему, но и сам он хорошо знал, что работать над октябрьской пьесой с показом Ленина не только очень трудно, но и просто опасно. Тем более что и пьесы еще нет и в помине, а только одно предчувствие. Но работа захватила его. И он идет к председателю Всесоюзного комитета по делам искусств А. Керженцеву, который сообщил драматургу, что его «держат в резерве» для использования в кино, и предложил ему написать сценарий. Погодин согласился.

В письме от 14 августа 1936 года Николай Федорович написал жене: «...Вчера утром сделал первую сцену с Лениным, о которой тебе говорил. Сцена вышла, как я ее задумал... Дело идет».

Это была, ставшая затем восьмой, знаменитая сцена встречи Ленина с Иваном Шадриным в Смольном («Человек с ружьем»).

Позднее драматург вспоминал, как он пришел к этой решающей сцене: «Я стал себе представлять, как бы этот солдат Иван Шадрин повел себя в то время. Вот он сидит на фронте, окопы, война, голод, нет патронов, два с половиной года он не был дома. Хорошо бы этого солдата привезти в Питер, где он встретится с Лениным и где определится его судьба. Я не придумал всего, что будет с солдатом, но захотелось написать сцену, как Шадрин встречается с Лениным... Я сел и в течение 20 или 30 минут написал сцену: Иван Шадрин встречается в Смольном с Лениным».

Если Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир» — настольной книге драматурга в этот период — дал Погодину понимание движущих сил революции и показал единство вождя и народа и революционный накал Смольного, то Маяковский столкнулся в Смольном в поэме «Владимир Ильич Ленин» в разговоре один на один представителя народа и народного вождя.

Погодин берет ситуацию Маяковского: скромно появившийся, неузнаваемый Ленин беседует с солдатом в Смольном. Ему очень захотелось раскрыть язык театра безмолвный пафос этой беседы и сделать достоянием каждого ее исторический смысл.

Сценическим приемом неузнавания драматург, кроме многого другого, подчеркивает, что не только именем Ленина совершился переворот в сознании солдат, что к революции толкнуло солдата существо ленинских идей, бы-

стро усвоенных им благодаря его кровной заинтересованности и неотразимой логике вождя.

Хочется привести оценку этой сцены, которую ей дал сам Погодин много лет спустя. Он говорил: «Написал я ее сразу. Пьесы еще не было. Была только эта сцена. Она была написана с вдохновением, и я считаю ее единственно законченной из всего, что написал до сих пор. Сцена встречи Владимира Ильича и Ивана Шадрина в Смольном стала сердцевинной всей пьесы. Постепенно по мере работы эта сцена стала обрывать сюжетом. К ней стремилась вся пьеса, и от нее расходилась вся пьеса».

ПОЧЕМУ эта вдохновенная сцена, написанная одним дыханием, прошла без помарок через все стадии дальнейшей огромной работы и стала хрестоматийной?

Потому что Погодин всегда садился за стол, как он выражался, «записывать рукой» продуманное, прочувствованное, зрелое. Полтора года потребовалось драматургу, который за один 1934 год создал пьесы «После бала» и «Аристократы», чтобы написать эту первую и решающую сцену из 55 реплик, определившую сюжетно-композиционное построение сценария и открывшую ленинскую тему в драматургии.

В этой сцене, как в зерне, были и «корни», и «стебли» произведения. Из этой ленинской сцены могла вырасти только ленинская пьеса, ибо в результате пересечения сюжетных линий Ленина и Шадрина историческая судьба солдата определилась, образ Ленина вошел в ткань сценария.

Поэтому не удивительно, что работа вызывает у Погодина чувство «удивления, трепета и страха... Ведь так или иначе вы должны руководить образом, давать ему определенные действия... Но как руководить образом Ленина?» — спрашивал себя драматург.

В беседе с молодыми драматургами Погодин сказал: «Я считал, что Ленин не может быть раскрыт без развернутого показа класса, в котором он жил и для которого трудился. Оторвать его от класса, которому он отдал свою жизнь, нельзя. Я делал свою пьесу так, чтобы она от начала до конца была пронизана Лениным, тесно связанным с рабочим классом».

В письме из Одессы, куда Погодин выехал, чтобы поскорей встретиться со своим режиссером С. Юткевичем и обсудить с ним первый вариант сценария, он пишет жене:

«...Сценарий на Юткевича произвел огромное впечатление, главное, конечно, Лениным. Тут ни слова упрека. Финал также принят... Он говорит, что вообще ни одной работы, если говорить о кино, я не делал так серьезно и фундаментально...»

Вот какую оценку сценарию «Ноябрь» дал С. Юткевич, который записал в своем дневнике: «Он был еще ха-

отичен, сыроват, — это лишь первый набросок, но в нем уже был настоящий ветер великого Ноября, уже ворочался (ему было тесно на этих страницах) грузный и ворчливый Иван Шадрин в своей замызанной солдатской шинелишке, и самое важное, самое главное — в коридоре Смольного встречался этот солдат первый раз в истории нашего искусства с живым Ильичем».

НАКОНЕЦ, сценарий закончен. Тревожения, связанные с работой, позади. Пришла пора проститься со своим детищем. Так сталкиваются со стапелей корабль. А какое его ждет плавание? Погодин мечтает о громадном фильме и пишет об этом жене: «Заботы, думы... Образ Ленина. Повесть ли, наверно, картина выйдет большая, какая-то мощная. Все время голова в напряжении. Но не устал».

1 ноября 1936 года Н. Погодин послал в Комитет по делам искусств сценарий «Ноябрь» и сопроводительное письмо с выражением авторского ире-до, в котором писал:

«Дорогой тов. Керженцев, нужно ли говорить о том, как трудно было и просто страшно писать образ Ленина для экрана — кинематографический образ, т. е. писать так, чтобы это можно было сыграть, поставить, показать? Добивался я ясности и простоты и еще современности. Самый образ Ленина в кинематографе мне казалось правильным показывать таким, как его создало и хранит народное воображение.

Одно лишь могу сказать о работе, что тут нет беллетристики и литературного очковитательства, когда за ловкой словесностью прячется беспомощность сцены, действия, образа...»

В ФОЛЬКЛОРЕ поэтизировались реальные ленинские черты, его исключительная человечность, отечаненная В. Маяковским в афоризм: «Самый человеческий человек». Этой человечностью и реализмом пронизан в сценарии «Ноябрь» образ Ленина. Философская и политическая направленность сценария была ярко выражена в финале, когда Ленин пророчески говорит:

«Пример Советской республики будет стоять перед всем миром на долгое время. Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала. Здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов».

В ЦГАЛИ хранятся два единодушных отзыва рецензентов.

Один из них был известен Погодину. Он вспоминал: «Наконец, через четыре месяца... был получен отзыв от ГУКа. В нем был учтен буквальный разгром сценария. В отзыве возражали против всего живого, человеческого, он был положительно оскорбителен. Юмор, оптимизм — все то, что присуще народу, требовали сглазить, прилизать... Сцены встреч Ленина с Шадриным, бегство генерала были признаны неудачными, вызывающими наибольшие возражения».

Но тут Погодина вызывает Керженцев и советует ему ввести в сценарий роль Сталина. Однако образ Сталина не вписывался в законченный сценарий, и Сталин получился «при Ленине».

В июле 1937 года С. Юткевич (постановщик фильма) начал в Ленинграде пробные съемки с Б. Щукиным в роли В. И. Ленина. Но вскоре был получен приказ о прекращении работы.

«В конце концов сценарий был отвергнут», — пишет позднее драматург.

Чтобы не строить догадок о самочувствии Погодина, приведу отрывок из его письма к жене:

«Юткевич в отчаянии, а я холоден и пуст для всего этого. Измучился. Завтра поеду записываться к профессору по нервным болезням. Надо заняться собой. Не нравлюсь я себе. Собственно, физически я чувствую себя неплохо, но морально нехорошо. У нас никого не бывает. Курю, читаю, пишу. Ходить никуда не хочется. Людей видеть не хочется. Дичаю. Кстати, не больно-то люди и шли, и как первый признак опалы в квартире перестал звонить телефон».

ЭТИ переживания Погодина были вызваны отнюдь не литературной неудачей...

В одном из блокнотов Погодина я встретил такую недатированную запись: «Все, что было связано с личным культом, мне всегда было неприятно...»

Итак, после двух с лишним лет упорной и вдохновенной работы, за три месяца до 20-й годовщины Великого Октября, сценарий Погодина так и не был осуществлен, если бы...

На этом интригующем «если бы...» с многоточием заканчивается предисто-

рия будущей пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». Однако выясним причины прекращения работы над сценарием «Ноябрь» в канун Октябрьского юбилея.

Исчерпывающий ответ на все эти вопросы может дать отзыв рецензента от 13 декабря 1936 года, где говорится, что «сценарий настолько беспоощен во всех отношениях, что необходимо решительно возражать против направления его в производство».

Но если сценарий был так плох, как же он мог через три месяца стать пьесой «Человек с ружьем»?

Оказывается, рецензент исходил из условий конкурса «о создании драматургических и кинематографических произведений, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции с показом В. И. Ленина».

Он пишет, что в октябрьском «сценарии Ленину отводится очень много места, поэтому фильм имеет тенденцию превратиться в фильм о Ленине».

А такая тенденция не соответствовала условиям конкурса, по которым имелось в виду только показать Ленина внешне, как символ, внесюжетно.

Рецензент пишет: «В данном сценарии Ленина надо было дать более скупыми, отдельными штрихами, иначе это слишком ко многому обязывает».

ПОЧЕМУ же Погодин нарушил это условие конкурса? Судя по его заявке на сценарий, а также по рассказу о начале работы, он и не думал о развернутом образе Ленина. Это перемещение центра тяжести произошло в сценарии благодаря творческому методу драматурга. Погодин в ходе работы, изучая жизнь вождя и его труды, нашел «сценическое зерно» образа Ленина и овладел его лексикой. Образ в нем ожил и «повел» драматурга. В порыве вдохновения он создает сцену, которая стала кульминацией сценария. Затем, исходя из существа этой сцены, драматург пошел к экспозиции и финалу. Этот поворот темы не был преднамеренным, это было драматургическим открытием.

Но рецензент не может принимать такого Ленина, где, по его мнению, которое, конечно, соответствовало установкам жрецов культа, «все растворяется в мелочах, фигура Ленина, его роль распыляются и при этом Ленин изображен в бытовом реалистическом плане».

Шоры культа личности с его требованием помпезности и монументальности мешали рецензенту увидеть великое, показанное через малое. Он считает, что Ленина надо показать как-то «по-другому». Но если не в бытовом, значит, в возвышенном, и если не в реалистическом, то в плане канонизации, обожествления.

Рецензент, безусловно, понял, что этот сценарий органически враждебен культу личности, ибо в нем вождь дан не над народом, а вместе с народом, и народ выступает в нем как творец истории, а не как «винтики». И, наконец, что никак не укладывается в его понимании, в октябрьском сценарии «о Сталине ни звука».

Отсутствие роли Сталина в сценарии «Ноябрь» потрясло рецензента, который знал, что прославление Сталина было назначением конкурса. Этот официальный конкурс на произведения, посвященные Октябрю, явился началом конкурса в прошлое с целью фальсификации истории в угоду культу личности Сталина. Такая книга, как «10 дней, которые потрясли мир» (эту книгу Ленин «желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки»), изымалась, ибо в ней была правда Великого Октября и не было никакого возвеличения Сталина. А живые участники и свидетели Октября подвергались репрессиям. Произведения, посвященные Октябрю, должны были возвеличить роль Сталина за счет Ленина и показать, что Сталин единолично возглавил и провел Октябрьский переворот, когда Ленин находился в подполье. Роль Ленина в пьесах и фильмах должна была, следовательно, заключаться лишь в том, чтобы он своим авторитетом лично засвидетельствовал этот тезис со сцены и экрана...

Теперь вернемся к нашему «если бы...». К счастью Н. Погодина, не в лучшем, чем он сам, положении оказался Театр имени Евг. Вахтангова. Юбилей Октября близок, а драматург А. Афиногенов опаздывает с пьесой «Москва. Кремль», которую театр должен был ставить. Артист этого театра Б. Щукин не может забыть обаяния и огромной силы ленинского образа в сценарии «Ноябрь», он мечтает сыграть эту роль в театре, раз не удалось в кино. Он советует Погодину переделать сценарий в пьесу. Он агитирует руководство театра срочно обратиться к Погодину, чтобы к юбилею не остаться

без пьесы. Тогда дирекция заключает договор с Погодиным, который на основе сценария «Ноябрь» в течение нескольких недель делает пьесу, названную им «Человек с ружьем».

НАЧАЛАСЬ напряженная работа драматурга и театра. Такого театра, как вахтанговский, при таком постановщике, как Р. Симонов, при участии в роли Ленина выдающегося актера Щукина. Всем им был близок и дорог погодинский образ Ленина. В своих записках периода работы над этим образом Щукин говорит: «Жизнерадостность, непримиримость Ильича; любит народ; к массам — слушать их; разговаривать, беседовать, помогать разобраться им и проветрить на них себя, советоваться с ними; во имя пролетарской революции, все на развитие ее и на укрепление победы».

13 ноября 1937 года состоялась премьера спектакля «Человек с ружьем».

Грандиозность воссозданного времени и образа вождя революции Ленина вызвала в зрителях огромный душевный подъем и подлинный энтузиазм. Об этом небывалом успехе очень хорошо сказал Всеволод Вишневский: «Вчера мы смотрели пьесу Погодина «Человек с ружьем»... Наша драматургия дала... образ Ленина. Мы видели, как весь зал единодушно встал в овации. Это русская советская литература, это написано нашим драматургом».

М. Литвинов после просмотра записал в книге впечатлений: «Молодежь, не видевшая Ильича, получает великолепное представление о нем».

После триумфального успеха пьесы «Человек с ружьем» в театре Н. Погодин написал сценарий, по которому С. Юткевич, наконец, снял фильм «Человек с ружьем», вышедший на экраны только в октябре 1938 года.

Путь от сценария к пьесе и от пьесы к сценарию занял больше двух лет, поэтому нужно считать, что Н. Погодин первым создал образ В. И. Ленина в театре и кино.

Образ Ленина, воссозданный драматургом, не складывался из простого воспроизведения отдельных эпизодов биографии вождя.

«Легко сказать, он был прост, — говорит по этому поводу Погодин. — Прост, и все тут. Это... наше традиционное понятие. И очень трудно наполнить это понятие жизненным смыслом, дать ему движение, выразить его в незаметных поступках — словом, дать ему жизнь... и не отступить при этом от исторической традиции, не забыть, что эта человеческая простота относится... к великой личности современной истории».

Лучше всех понял и оценил погодинскую смелость К. Тренев, сам создавший октябрьскую пьесу. Он писал:

«Основная заслуга Погодина перед драматургией заключается в том, что он первый решился показывать на сцене... образ великого Ленина. И он осуществил этот свой смелый творческий замысел с большим успехом».

Этот отзыв важен тем, что исходит от товарища по перу, драматурга, который лучше, чем кто бы то ни было, понимал трудности достижения Погодина. Недаром он делает акцент на словах «первый решился» и подчеркивает «смелый творческий замысел».

Почему Погодину удалось решить эту грандиозную задачу?

Он сам считал, что главным и определяющим фактором его творчества была журналистская работа, что он свою общественную закладку «получил в «Правде», когда были в расцвете ленинские нормы...» Свою работу в редакции он называл «школой «Правды».

«Не будь «Правды», не будь близкого общения с Марией Ильиничной Ульяновой (ответственным секретарем редакции) — я ни за что не взялся бы написать Ленина».

Погодину в решении великой задачи воссоздания образа В. И. Ленина помогли весь его творческий путь, все его герои — ленинцы, которых он привел с собой в драматургию; его вдохновенный труд и дерзкое новаторство — эти ленинские черты в характере самого драматурга; его биография выходца из народных низов, поднятых со дня жизни Лениным, Советской властью к вершинам культуры; его любовь к новой жизни и новому человеку.

В разработке ленинской темы Погодин сделал чрезвычайно много, но это никак не означает, что он сделал все. Нужно обязательно искать новые пути, новые ракурсы, как их всегда искал Погодин, нужно обязательно дерзнуть, как это всегда делал он.

Сам Николай Федорович считал свои ленинские пьесы только эскизами к великому образу, на подступах к которому он видел себя после написания трилогии, увенчанной Ленинской премией.